

Великолепный треугольник, где вершина — Бунин, учитель, а стороны — советский Катаев и несоветский Набонов, его ученики, — одна из самых удивительных конфигураций в русской литературе. И наглядная иллюстрация причудливости развития художественного сознания: традиционалист, реалист Бунин, громко манифестирующий свой антимодернизм, породил двух отчаянных модернистов. (Вопрос о латентном модернизме Бунина выходит за рамки настоящей статьи.)

Катаев называл Бунина не иначе как «Дорогой учитель Иван Алексеевич!». Набонов был более сдержан, в письмах обращался: «Многоуважаемый Иван Алексеевич». Впрочем, на одной своей книге все-таки написал: «Великому мастеру от прилежного ученика».

Катаев и в пору зрелости не стеснялся ходить в учениках Бунина: журнальная публикация 1967 года, предвещающая выход его «Травы забвения», так и называлась — «Ученик и учитель»*. Набонов же признавал лишь некоторое сходство: «Нравы и нервы Бунина, вероятно, чем-то похожи на мои, но отсюда far cry** до литературного влияния».

Так или иначе, но Катаев и Набонов подобны ветвям, идущим от одного ствола. Оба начинали со стихов и писали стихи всю жизнь. Оба воспринимали слово и образ чувственно. В пору зрелости оба сделали своими ведущими темами время, память, воображение. И сны. Ну а отличает их от Учителя прежде всего тяготение к затейливой по-модернистски прозе. И неистребимая склонность к пародии, к юмору, порой доходящему до черного.

* Катаев В. П. Учитель и ученик // Огонек. 1967. № 8–11.

** Far cry (англ.) — куда как далеко.

Натаев познакомился с Буниным в 1914 году. «...Вошел ко мне на балкон, представился: "Я — Валя Натаев. Пишу. Вы мне очень нравитесь, подражаю вам". И так это смело, с почитительностью, но на границе дерзости. Ну, тетрадка, конечно. Потом, когда он стал большевиком, я ему такие вещи говорил, что он раз сказал: "Я только от вас могу выслушивать подобные вещи"», — вспоминал Бунин (Галина Кузнецова. Грасский дневник. Запись от 4 сентября 1930 г.).

В стихах Натаева тех лет проступают следы Бунина в том или ином виде: это и бунинская «эстетика пейзажа» (по слову Сергея Шаргунова), и посвящение стихов Учителю, и упоминание его в ряду чтимых поэтов:

*А дома — чай и добровольный плен.
Сонет, набросанный в тетрадке накануне,
Так, начерно... Задумчивый Верлен,
Певучий Блок да одинокий Бунин...*

1916

В апреле 1919-го, когда Одесса (во второй раз) переходит к большевикам, Натаев и его друзья идут работать в пропагандистское Бюро украинской печати. 12 апреля 1919 года Вера Муромцева заносит в дневник впечатления от литературного собрания, на котором Натаев, Олеша, Багрицкий «держали себя последними подлецами, кричали, что они готовы умереть за советскую платформу, что нужно профильтровать собрание, заткнуть рты буржуазным, обветшалым писателям». Она объясняет это «боязнью за собственную шкуру, так как почти все они были добровольцами», и тем, что «им кто-то дал денег на альманах, и они боятся, что им мало перепадет». «Подлецам» действительно есть что скрывать: Натаеву — службу в Добровольческой армии Деникина, Багрицкому — участие в Персидской экспедиции генерала Баратова...

Об этом же собрании Бунин позже напишет в очерке «Волошин» (1930): «Очень людно, много публики и всяких пишущих, "старых" и молодых. Волошин... быстро и грациозно, мелкими шажнами выходит на эстраду: "Товарищи!" Но тут тотчас же поднимается дикий крик и свист: буйно начинает скандалить орава молодых поэтов, занявших всю заднюю часть эстрады: "Долой! К черту старых, обветшалых писан! Нлянемся умереть за советскую власть!" Особенно бесчинствуют Натаев, Багрицкий, Олеша. Затем вся орава "в знак протеста" покидает зал. Волошин бежит за ними — "они нас не понимают, надо объясниться!"»

К тому времени относится и известная запись в «Окаянных днях», сделанная Буниным 25 апреля 1919 года: «Был В. Натаев (молодой писатель). Цинизм нынешних молодых людей прямо невероятен. Говорил: "За сто тысяч убью ного угодно. Я хочу хорошо есть, хочу иметь хорошую шляпу, отличные ботинки"..."»

В «Траве забвения» (1967) Натаев, наверняка давно прочитавший «Окаянные дни» (они печатались в парижской газете «Возрождение» в 1925–1926 годах), вспоминает — а может, воображает — тот разговор иначе: «...неужели вы бы смогли — как ваш герой — убить человека для того, чтобы завладеть его бумажником? — Я — нет. Но мой персонаж... — Неправда! — резко сказал Бунин, почти крикнул: — Не сваливайте на свой персонаж! Каждый персонаж — это и есть сам писатель». Персонаж в данном случае — артист-нокаинист Зосин из рассказа

Бунин строг к Катаеву, но в то же время прощает ему большевистские эскапады. Объясняет: «Ведь если я с вами говорю после всего того, что вы натворили, то, значит, у меня пересиливает к вам чувство хорошее, ведь с Карменом я теперь не кланяюсь и не буду кланяться». И наставляет: «Раз вы поэт, вы еще более должны быть строги к себе».

«Опыт Кранца» (1919), одержимый идефинсом в духе Раскольниково-ва: «Деньги всегда нужно брать силой. Я его убью... если я не способен даже на убийство, значит, я ничтожество и должен всегда жить, как ничтожество. <...> У меня нет хорошего костюма, я не могу жить так, как хочу жить, я не могу иметь любовницей балерину Клементьеву потому, что у меня нет денег...»

Бунин строг к Катаеву, но в то же время прощает ему большевистские эскапады. Объясняет: «Ведь если я с вами говорю после всего того, что вы натворили, то, значит, у меня пересиливает к вам чувство хорошее, ведь с Карменом* я теперь не кланяюсь и не буду кланяться». И наставляет: «Раз вы поэт, вы еще более должны быть строги к себе». «Упренал Ян его и за словесность в стихах: "Вы все такие словесники, что просто ужас"», — добавляет Вера Николаевна (Устами Бунинных: Дневники Ивана Аленсеевича и Веры Николаевны и др. архив. Материалы. Т. 1. Запись от 6 сентября 1919 года).

Одессу вновь берут белые, и Катаев вновь оказывается в Добровольческой армии Деникина, о чем не без гордости сообщает в письме Бунину. Он пишет ему как близкому человеку, как старшему другу: «Дорогой учитель Иван Аленсеевич, вот уже месяц, как я на фронте, на бронепоезде "Новороссии". Каждый день мы в боях и под довольно сильным артиллерийским обстрелом. Но Бог пока нас хранит. Я на командной должности — орудийный начальник и команду башней. Я исполняю свой долг честно и довольно хладнокровно и счастлив, что Ваши слова о том, что я не годюсь для войны — не оправдались. Работаю от всего сердца. Верьте мне. Пока мы захватили 5 станций. Это значительный успех. Часто думаю о Вас. Несколько раз читал Ваши стихи в "Южном Слове". Они прекрасны...»**. Бронепоезд «Новороссия» участвует в боях и против красных, и против Петлюры.

* Лазарь Осипович Кармен (настоящая фамилия Корнман, 1876–1920) — одесский писатель, журналист. Активно занимался большевистской пропагандой. Отец известного советского кинодокументалиста Романа Лазаревича Кармена (1906–1978).

** Письмо Катаева приводится в Дневниках Бунинных с пометкой В. Муромцевой-Бунинной: «Разбирала письма. Попалось письмо Катаева с белого фронта».

он очень гордится, о том, что тот любит Бунина и не любит Достоевского (что Бунину должно понравиться), показывает его сочинения...

Бунин «встречается» с молодым поэтом на страницах «Руля», газеты, начавшей выходить в Берлине 16 ноября 1920 года (отв. ред. И.В. Гессен, при ближ. участии И.В. Гессена, А.И. Наминки и В.Д. Набонова). В ней печатаются стихи мэтра и стихи его ученика, который пона выступает под псевдонимом Cantab, то есть Студент Нембриджа. Скоро он возьмет псевдоним Сирина, под ним в «Руле» появятся и его рассказы.

В своем первом письме Бунину от 18 марта 1921 года Набонов благодарит мэтра за «хорошие слова» о его «робном творчестве» (доброжелательный отзыв Бунина о стихах ему передал отец), «...тем более что хорошие слова эти исходят именно от вас — единственного писателя, который в наш кошунственный и косноязычный век спокойно служит прекрасному, чужа прекрасное во всем, — в проявлениях духа человеческого и в узоре лиловой тени на моцром песне, — причем несравненны чистота, глубина, ярность каждой строки его, каждого стиха...».

В следующем письме Набонова, посланном через полтора года (в ноябре 1922-го), — его стихотворение с посвящением И. А. Бунину:

*Как воды гор, твой голос горд и чист.
Алмазный стих наполнен райским медом.
Ты любишь мир и юный месяц, лист,
желтеющий над смуглым сочным плодом.*

Здесь много аллюзий на стихи мэтра. И нода, перенлинающаяся с нодой его стихотворения «На Невском» (1916).

Набонов:

*Безвестен я и молод в мире новом,
кошунственном, но светит все ясней
мой строгий путь: ни помыслом, ни словом
не согрешу пред музою твоей.*

Бунин:

*Я молод был, беспечен, одинок
В чужом мне мире, сложном и огромном.
Всю жизнь я позабыть не мог
Об этом вечере бездомном.*

Потом в их отношениях наступает перерыв.

* * *

За Натаевым Бунин продолжает следить и в эмиграции. Хотя уже, конечно, не так внимательно. К рассказу «Золотое перо» он, в отличие от Набонова, отнесся спокойно. Скорее даже, рассказ этот ему понравился. О чем свидетельствует надпись на книге «Лица», которую он в 1946 году с Константином Симоновым передаст ученику: «Валентину Натаеву от академика с золотым пером».

А вот рассказ «Отец», опубликованный в «Красной нови» (1928, №1), он воспринимает скептически: «Нет, все-таки какая-то в нем [в Натаеве]

Набоков объявляет: «Стихи Бунина – лучшее, что было создано русской музой за несколько десятилетий». Говорит о «блестящем бряцании модных лир», которое их заглушало «в громкие петербургские годы», «но бесследно прошла эта поэтическая шумиха, развенчаны или забыты “слов кощунственные творцы”... и только дрожь одной лиры, особая дрожь, присущая бессмертной поэзии, волнует, как и прежде, волнует сильнее, чем прежде, – и странным кажется, что в те петербургские годы не всем был вняттен, не всякую изумлял душу голос поэта, равного которому не было со времен Тютчева».

диная смесь меня и Рощина*. Потом такая масса утомительных подробностей! Прешь через них и ничего не понимаешь! Многого я так и не понял» (Галина Нузнецова. Грасский дневник. Запись от 4 сентября 1930 года).

Довольно уничижительно отзывается Бунин об ученике и в письме Георгию Адамовичу от 15 октября 1930 года: «...возвращаю Натаева и Олешу. Натаев все тот же, наким я его знал, — очень способный и пустой прохвост, порой даже очень глупый и плоский».

Но повесть «Белеет парус одинокий» (1936) вроде бы ему нравится. Согласно рассказу В. Муромцевой-Буниной в передаче вдовы Натаева Эстер, «Бунин читал “Парус” вслух, восклицая — ну кто еще так может?».

* * *

Отношения с Набоновым в тот же период оказываются куда более насыщенными, что понятно. Набоков в Берлине, Бунин в Париже, но круг общения у них один, одни издания, в которых оба печатаются (газеты «Руль», «Последние новости», журнал «Современные записки»).

В 1926 году Сирин-Набонов посылает Бунину свой первый роман «Машенька». В подаренной книге М. Шраер обнаружил замечание Бунина:

* Николай Яковлевич Рощин (наст. фамилия Федоров, 1896–1956). Деникинский офицер, прозаик. Прозвище Капитан. Темы Р. – ностальгия, война, любовь. Тоже может считаться учеником Бунина, который одно время всячески его опекал. В 1946 году Р. распространял слух, будто Бунин собирается вернуться в СССР. В эмиграции его считали «платным советским агентом». Получил советский паспорт, вернулся в СССР. Работал в «Журнале Московской Патриархии».

«Ах, как плохо!» По мнению исследователя, оно относится к отрывку: «Это было не просто воспоминание, а жизнь, гораздо действительнее, гораздо "интенсивнее" — как пишут в газетах, — чем жизнь его берлинской тени. Это был удивительный роман, развивающийся с подлинной, нежной остротностью». А именно к слову «интенсивнее», взятому Набоковым в иронические навыки, и к слову «удивительный». Правда, В. Бунина-Муромцева говорила, уже после войны, что Бунину роман понравился.

Так или иначе, но в эмигрантской критике роман называют тургеневским и бунинским. Он таким и был — прежде потому, что герой его переживал воспоминания гораздо острее, чем сами события. Да и непонятно, происходили ли эти события в действительности.

Набоков сейчас восхищается не только стихами, но и прозой Бунина, что существенно в свете его будущих (негативных) высказываний. 16 июля 1926 года он пишет жене: «В "Современных записках" великолепный рассказ Бунина и недурной отрывок из многологии Алданова». Имеется в виду рассказ «Солнечный удар» («Современные записки», 1926, кн. XXVIII). Бунин, в свою очередь, тепло отзываясь об «Университетской поэме» Сирина-Набонова, тоже появившейся в «Современных записках» (1927, кн. XXXIII).

Восторженное отношение Набокова к Бунину растет и крепнет. Так, в литературном обзоре «Современных записок», опубликованном в «Руле» 30 января 1929 года, он пишет о «Жизни Арсеньева»: «...кажется, выписал бы, если бы это было можно, одну за другой все эти потрясающе-прекрасные страницы "Жизни Арсеньева", не прицепляя к ним никаких похвал, ибо качество их, высокое их совершенство, вызывает чувство, подобное чувству молодого Арсеньева перед совершенством лунной ночи: не выразить... страшным великолепием, томным великолепием, но всегда великолепием полон его мир, — и читаешь Бунина, словно идешь "по росистой, радужной траве", чувствуя — от почти физического прикосновения его слов — особое блаженство, особую свежесть».

В мае в «Руле» появляется его рецензия на «Избранные стихи» Учителя, безгранично лестная и — потрафляющая бунинским антипатиям. Набоков объявляет: «Стихи Бунина — лучшее, что было создано русской музой за несколько десятилетий». Говорит о «блестящем бряцании модных лир», которое их заглушало «в громкие петербургские годы», «но бесследно прошла эта поэтическая шумиха, развенчаны или забыты "слов кощунственные творцы"... и только дрожь одной лиры, особая дрожь, присущая бессмертной поэзии, волнует, как и прежде, волнует сильнее, чем прежде, — и странным кажется, что в те петербургские годы не всем был внятн, не всякую изумлял душу голос поэта, равного которому не было со времен Тютчева». Слегка переиначенная цитата из стихотворения А. Блока «За гробом» (1908) — «слов кощунственные творцы» — выглядит здесь довольно двусмысленно: ведь его голос в той «поэтической шумихе» звучал едва ли не громче всех.

В декабре 1929 года Набоков посылает Бунину книгу «Возвращение Чорба», смиренно представляясь (в надписи) «прилежным учеником». Книгу он составил из стихов и рассказов, как часто делал Учитель. Бунин отвечает «Жизнью Арсеньева: Истоки дней» (1930), вышедшей отдельным изданием. С благосклонной надписью: «Дорогой Владимир Владимирович, от всей души и с большой любовью к Вашему прекрасному таланту желаю Вам долгого, счастливого и славного пути». На страницах все того же «Руля» Набоков защищает стихи Бунина от нападок.

В связи с выходом «Защиты Лужина» (1930) Галина Нузнецова записывает в дневнике: «Мы всю дорогу говорили о Сирине, о том роде искусства, с которым он первый осмелился выступить в русской литературе, и И.А. [Бунин] говорил, что он открыл целый мир, за который надо быть благодарным ему». Тогда же, по свидетельству Л. Любимова, Бунин производит знаменитое: «Этот мальчишка выхватил пистолет и одним выстрелом уложил всех стариков, в том числе и меня».

Набонов посвящает Учителю рассказ «Обида» (1931). В нем интонации Бунина, бунинские образы России, первая любовь, чувствительный мальчик Путь...

В эмигрантских кругах обсуждаются возможные претенденты на Нобелевскую премию: Бунин, Мережковский, из молодых — Сиринов-Набонов. В. Муромцева-Бунина записывает в дневнике: «Прочла Сирина. Какая у него легкость и как он современен. <...> Вот кто скоро будет кандидатом на Нобелевскую премию!» (Устами Буниных. Т. 2. Запись от 10 октября 1931 года).

10 ноября 1933 года Набонов в письме поздравляет Бунина с Нобелевской премией, а 30 декабря они наконец *впервые* встречаются — в Берлине, в Шуберт-зале, на вечере в честь награждения Бунина. Набонов произносит пронзительную речь о поэзии нобелевского лауреата. Через несколько дней они с Буниным обедают в берлинском ресторане, над их столиком висит огромный нацистский флаг со свастиной.

Однако в их отношениях постепенно возникает взаимное раздражение. Кажется, они как-то очень быстро перестают нравиться друг другу. То ли личное знакомство тому причиной, то ли еще что-то, трудно сказать. Так же трудно согласиться с М. Шраером, считающим, что главная причина здесь — ревность / зависть со стороны Бунина. Более того, что будто бы Бунин писал «Темные аллеи» как «ответ на лучшие русские рассказы Набонова («Пильграм», «Совершенство», «Весна в Фиальте», «Облако, озеро, башня» и другие). Иначе говоря, стареющий Бунин желал расквитаться с Набоновым по «гамбургскому счету». Допустим, Бунин — между прочим, только что получивший Нобелевскую премию! — завидовал Набонову, хотел с ним «расквитаться» и поэтому на него сердился. Но почему Набонов сердился на Бунина?

После одного литературного вечера в Париже (8 февраля 1936 года) веселая компания отправляется в кафе Les Fontaines: Бунин, Набонов, Марк Алданов, Нина Берберова, Владислав Ходасевич и др. Там Набонов доводит Учителя до белого каления, называя «Севастопольские рассказы» «грехами молодости» Толстого и утверждая, что не читал их. «Алданов с трудом скрыл свое возмущение, Бунин, в минуты бешенства зеленевший, пробормотал сквозь зубы матерное ругательство. Ходасевич засмеялся скептически, зная, что в русских гимназиях чтение «Севастопольских рассказов» было обязательным», — вспоминает Берберова в мемуарах «Нурсив мой». Потом Алданов, находясь уже в подпитии, объявит Сирина первым писателем эмиграции и будет убеждать Бунина отдать ученику свой перстень с печатной в знак признания его первенства. Бунин перстень не отдаст.

Описывая в письме жене этот вечер, Набонов говорит об Учителе не очень доброжелательно: «Мы довольно забавно повздорили с Б. о Толстом. Как он, Бунин, похож на старую тощую черепаху, вытягивающую серую жилистую, со складной вместо надына шею и что-то жующую и поводящую тусклоглазой древней головой!» (письмо от 13 февраля 1936 года). И сдается, что пока еще Учитель относится к ученику лучше, чем тот к нему. Так, Бунин, например, хочет, чтобы семья Набоновых, соби-

рающаяся перебраться из Берлина в Париж, поселилась где-то рядом, Вера Николаевна собирает для них деньги...

Но раздражение Набонова только нарастает: «При ближайшем рассмотрении Бунин оказывается просто — старым пошляком, а Зайцев, напротив, — выигрывает», — пишет он жене 28 марта 1937 года. И даже позволяет себе совершенно идиотскую шутку, о которой рассказывает как ни в чем не бывало: «Первого апреля, свято празднуя этот день, я утром сказал “студентам”, что накануне у Зайцевых мне сообщили о том, что ночью, поадрес Бунина нутил, его квартиру ограбили. Весть быстро распространилась, и в тот же день репортер из “П. Н.” отправился к — весьма сердитому — Ивану. Кажется, он обиделся на меня, когда все выяснилось. Не понимаю, что тут обидного» (письмо от 12 апреля 1937 года).

Его как будто заклинило, чуть ли не в каждом письме жене он поминует Учителя недобрым словом: «Какой это неприятный господин — Бунин. С музой моей он еще туда-сюда мирится, но “поклонник” мне не прощает» (письмо от 1 мая 1937 года). «Обедал с Буниными. Какой он хам!» (письмо от 10 мая 1937 г.). Наверное, все-таки лучше было бы, чтобы их знакомство оставалось заочным.

В пьесе в прозе «Событие» (1938) Набонов выводит довольно неприятного персонажа, в котором можно узнать Бунина: это маститый писатель, хамоватый, склонный к пошлым шуткам («А что, милая, поджилочки у вас трепещут? Дайте посмотреть...»), да еще с дурным английским («Зад, — как сказал бы Шекспир, — зад из зык вещан»). Учитель, впрочем, тоже начинает сердиться. «...Сирин все-таки нестерпим — лихач возле ночного кабака, хотя и замечательный...» (письмо Марии Нарамзиной от 29 марта 1939 года).

Напрочь позабыв о своих восторгах по поводу «Солнечного удара» и «Жизни Арсеньева», Набонов в письме Алданову от 6 мая 1942 года нелестно характеризует Бунина, а заодно и Тургенева: «Гениальный поэт — а как прозаик почти столь же плохой, как Тургенев». Впрочем, чуть позже, все-таки несколько смягчается: «...В худшей бунинской вещи есть всегда строки, “исполненные прелести неизъяснимой”, как выражались и пушкинскую пору; и место, которое Вы цитируете, как раз к ним и принадлежит. Это и есть его поэтический дар» (письмо от 20 мая 1942 года).

В «Других берегах» (1954) он пишет: «Книги Бунина я любил в отрочестве, а позже предпочитал его удивительные струящиеся стихи той парчовой прозе*, которой он был так знаменит».

Бунин тоже не в восторге от ученика и тоже считает, что в стихах ученик сильнее, чем в прозе. «...О Сирине, его поразившем. Иван Алексеевич: — “Блеск, доходящий до разврата. И внутренняя пустота. А потом — жулик, самый настоящий жулик”. Говорил долго и не совсем спойно. Вспомнил, что и у него кое-что взял. “В Господине из Сан-Франциско” у меня о глазах негра — “облупленное яйцо”. Согласитесь, что неплохо. Но он берет и по десять раз на одной странице; душит, так, что сил нет. Я его крестный отец. Был приятелем с его отцом, он мне как-то прислал тетрадь стихов, подписанную “Сирин”, с просьбой дать свой отзыв. <...> Я сказал, что слабовато, но есть хорошие. Вообще в стихах он лучше, чем в прозе. А подпись не понял — так и написал, что это птица — Сирин или Св. Сирин», — записывает в дневнике Янов Полонский.

* «Парчовая проза» явно позаимствована у Ю. Айхенвальда, который в статье «Иван Бунин» (1910) писал: «Словно какая-то великолепная, тяжелая, негнущаяся ткань, словно драгоценнейшая парча расстилается перед нами поучительная повесть о “господине из Сан-Франциско”...».

Но все-таки Бунин читает Набокова и, тоже позабыв, что когда-то хвалил, ругает: «Перечитываю некот<орые> старые книжки “Совр<еменные> записон”. Сколько интересного! Но сколько чудовищного! Напр., “Дар” Сирина! Местами Ипполит* из “Войны и м<ира>”» (из письма Алданову от 3 сентября 1945 года). Потом, «ругаясь матерно» (по собственному признанию), он назовет «Дар» «диним, развратным», а Сирина-Набокова — «мошенником и словоблудом (часто просто косноязычным)» и, гневаясь, исказит набоновскую «Фиальту»**: «Чего стоит эта одна пошлость —“Фиала”». Но главное разочарование и главная претензия Учителя к ученику еще впереди.

В феврале 1951 года Алданов уговаривает Набокова принять участие в вечере в честь юбилея Бунина в Нью-Йорке. Этого хочет и сам Бунин, несмотря на свое разочарование в ученике; он еще не знает, что ученик написал о нем в своей новой книге. А ученик — знает. И выступать отказывается, о чем и сообщает Алданову: «Нак Вы знаете, я не большой поклонник И. А. Очень ценю его стихи — но проза... войдите и в мое положение: как это мне говорить перед нучной более или менее общих знакомых юбилейное, то есть сплошь золотое, слово о человеке, который по всему складу своему мне чужд, и о прозаине, которого ставлю ниже Тургенева?» Письмо написано 2 февраля 1951 года.

А 14 февраля выходит первый вариант квазиавтобиографии Набокова на английском: «Убедительное доказательство» («Conclusive Evidence: A Memoir»). Позже появятся еще два ее варианта: «Другие берега» (1954) на русском и «Память, говори» на английском («Speak, Memory: An Autobiography Revisited», 1966).

Во всех трех книгах описана встреча ученика и Учителя в ресторане (в главе 13 «Conclusive Evidence» и «Других берегов», в главе 14 «Speak, Memory»). Прототипом ее стало несколько таких встреч, прежде всего та, которая состоялась 28 января 1936 года в Париже. Прочитируем по «Другим берегам»: «Когда я с ним познакомился в эмиграции, он только что получил Нобелевскую премию. Его болезненно занимали текучесть времени, старость, смерть, — и он с удовольствием отметил, что держится прямее меня, хотя на тридцать лет старше. Помнится, он пригласил меня в какой-то — вероятно дорогой и хороший — ресторан для задушевной беседы. К сожалению, я не терплю ресторанов, водочки, закусок, музыки — и задушевных бесед. Бунин был озадачен моим равнодушием к рябичку и раздражен моим отказом распахнуть душу. К концу обеда нам уже было невыносимо скучно друг с другом. “Вы умрете в страшных мучениях и совершенном одиночестве”, — сказал он мне». Далее — известный казус с шарфом, когда длинный шарф Набокова оказался в рукаве пальто Бунина. И они его долго вытаскивали.

В письме к жене Набонов описывает встречу 28 января 1936 года так: «Только я начал раскладываться — было около половины восьмого, — явился в нос говорящий Бунин и, несмотря на ужасное мое сопротивление, “поташил обедать” к Норнилову — ресторан таной. Сначала у нас

* Ипполит Курагин — брат Элен Курагиной, второстепенный персонаж «Войны и мира». Довольно неприятный тип: «Из-за самоуверенности, с которою он говорил, никто не мог понять, очень ли умно или очень глупо то, что он сказал»; «...лицо было отуманено идиотизмом и неизменно выражало самоуверенную брюзгливость, а тело было худославо и слабо. Глаза, нос, рот — все сжималось как будто в одну неопределенную и скучную гримасу, а руки и ноги всегда принимали неестественное положение...» (Война и мир. Т. I, ч. I-III).

** Речь о рассказе Сирина-Набокова «Весна в Фиальте», опубликованном в «Современных записках» (1936, кн. LXI).

совершенно не влеился разговор — кажется, главным образом из-за меня — я был устал и зол — меня раздражало все — и манера его заказы-вать рябчин, и нажда интонация, и похабные шуточки, и нарочитое подо-бострастие ланеев, — так что он потом Алданову жаловался, что я все время думал о другом. Я так сердился (что с ним поехал обедать), как не сердился давно, но к концу и потом, когда вышли на улицу, вдруг там и сям стали вспыхивать искры взаимности, и, когда пришли в кафе Мюра, где нас ждал толстый Алданов, было совсем весело. <...> Алданов сказал, что, когда Бунин и я говорим между собой и смотрим друг на друга, чувствуется, что все время работают два кинематографических аппа-рата...» (письмо от 30 января 1936 года).

Фразу «Вы умрете в страшных мучениях и совершенном одиноче-стве» Бунин произнес в другой раз и в других обстоятельствах, на ужине в честь 75-летия Надежды Тэффи: «Бунин все изображал мою “надмен-ность” и потом прошипел: “Вы умрете один и в страшных мученьях”» (письмо от 2 апреля 1937 года).

«Conclusive Evidence» повергает Бунина в неистовство. В письме Алданову он называет книгу развратной, в ней «есть дикая брехня про меня — будто я затащил его в какой-то ресторан, чтобы поговорить с ним “по душам”, — очень на меня это похоже! Шут гороховый, которым Вы меня когда-то пугали, что он забил меня и что я ему ужасно завидую» (письмо от 10 июня 1951 года). В дневнике то же самое: «дикая и глупая ложь» (запись от 14 июня 1951 года).

Бунин уйдет из жизни 8 ноября 1953 года и так и не узнает, что возму-тивший его пассаж уже в «Других берегах»(1954) завершится печальной нотой, которой не могло быть в «Conclusive Evidence» и не будет в «Speak, Memory». Это исполненный в духе Бунина кусочек прозы, его иногда принимают за пародию, но это, скорее, пастиш, в нем прощание и благо-говение, пусть и с улыбкой: «...и в общем до искусства мы с ним ниогда и не договорились, а теперь поздно, и герой выходит в очередной сад, и польхают зарницы, а потом он едет на станцию, и звезды грозно и дивно горят на гробовом бархате, и чем-то горьковатым пахнет с полей, и в бесконечно отзывчивом отдалении нашей молодости опевают ночь петухи». Последние слова — почти точная цитата из короткого рассказа (миниатюры) Бунина «Петухи» (1930): «...хозяйна, послушала, помолчала. Потом негромко, подавляя приятный зевон:

— Что ж это вы, барин, не спите? Ишь уж не рано, петухи опевают ночь...»

В последнем законченном романе Набонова «Смотри на арлекинов!» («Look at the Harlequins!», 1974) появляется нобелевский лауреат, писатель Иван (И. А.) Шипоградов, довольно симпатичный — «излучающий талант и обаяние, и — после нескольких стопон водки — развлекающий знакомых русскими похабными анекдотами». В этом же романе мельнает критик Ян Буниан, но без особых примет.

Стоит также отметить, что в «Ленциях по русской литературе» Набонов упоминает Бунина лишь однажды, и то вскользь, в связи с высказыванием того о манере Достоевского «совать Христа где надо и не надо».

* * *

Особое место занимает Бунин и в сочинениях Натаева позднего (мовистского) периода. В 1967 году он становится героем повести «Трава забвенья» наряду с Маяновским. Они — антиподы, прежде всего по отно-

шению к Революции, и притом оба — трагические поэты «с вырванным сердцем». Повесть посвящена 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

Бунин представлен здесь прежде всего как реальный наставник молодого поэта. Он правит его стихи: «Бунин перечеркнул последнюю строфу карандашом, а на полях написал: "А на столе осенние цветы. Их спас поэт в саду от ранней смерти". Он немного подумал и затем решительно закончил: "Этюdniки. Помятые холсты. И чья-то шляпа на мольберте"». И хотя «помятые холсты» ученика смущают («У художников редко бывают помятые холсты...»), он следует всем полученным советам.

Иван Алексеевич учит Валю вырабатывать пристальность зрения («Например, опишите полувыюющийся куст этих красных цветов...») и — стирать носки («Тщательно полощите их в холодной воде, отнюдь без мыла, — затем не гладьте, а просто сушите на солнце. Тогда у вас никогда не будут потеть ноги»).

Из строк Бунина «Снажи поклоны князю и княгине. Целую руну детскую твою за ту любовь, которую отныне ни от кого я не таю» повествователь выводит «нового Бунина», не принявшего революцию. Этот «пугающий Бунин, почти эмигрант или, пожалуй, уже вполне эмигрант». «В этих стихах я ощутил тогда нечто трагическое. Отчаяние. Ужас. Покорность. Такие стихи могли быть написаны в ночь перед казнью». Завершается все посещением могилы Учителя на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа в Париже: «Вот ваш Бунин, любуйтесь, — сказал смотритель...» И воспоминанием о последнем свидании с Верой Николаевной, когда она показывала Вале любимую пепельницу Ивана Алексеевича: «Теперь она не была начищена суконной и не блестела, как жар, и внутри сплошь почернела, как та лампада, которую однажды нашел Бунин в горах Сицилии...»

Повесть «Нубин» (1969) — самое мовистское (модернистское!) сочинение Катаева («Не повесть, не роман, не очерк, не путевые заметки, а просто соло на фаготе с оркестром — так и передайте»). В нем своего рода (запоздалый) эстетический бунт против Учителя, так по-прежнему Катаев называет Бунина. Автор-повествователь вызывает тень Учителя и тень кое-кого, а именно Василия Розанова. И, что называется, сталкивает их лбами. Речь идет об играх со временем, памятью и воображением. Для таких игр необходима творческая смелость — «писать без всякой формы, не согласуясь ни с какими литературными приемами». Учителю хотелось так писать, но он не смел, правда, имел мужество в этом признаться. А вот кое-кто, то есть Розанов, смел. Автор-повествователь, опять же в интонациях Раскольникова, вопрошает: а смеет ли он сам? По всему получается, что смеет, «Нубин» на этом построен.

Столетие Бунина в 1970 году в СССР широко не отмечалось, возможно, потому, что совпало со столетием В.И. Ленина. Катаев отметил только небольшим предисловием к повести М. Рощина «Бунин в Ялте», опубликованной в журнале «Дружба народов».

* * *

Будучи, как выражались в советские времена, выездным, Катаев раньше многих прочитал «Дар», «Другие берега», «Лолиту» и другие сочинения Набокова и был ошеломлен и восхищен, как если бы вдруг обнаружил лет в шестьдесят, что у него где-то в далеком далене есть литературный родственник, чуть ли не брат.

Современники свидетельствуют: «Вкусы Катаева очень точно выразились во фразе: "Набоков, конечно, великий, великий, величайший писатель"». Он стал главным представителем Набокова в СССР, насколько это было возможно в тех условиях. Начал контрабандой протаскивать «родственница» в советскую литературу. Вспоминая, например, о «мастерском описании бабочки», с завистью восклицал: «О, как страстно желала моя душа создания этого феномена!»

Как отмечает С. Шаргунов, в конце концов в газете «Правда» 18 апреля 1974 года в статье, посвященной постановлению ЦК КПСС «О литературно-художественной критике», Катаеву поставили на вид: «Сближение советского писателя В. Катаева с декадентским зарубежным литератором эмигрантом Набоковым, безусловно, не ответственно».

Но Катаев не унимался. То мелькнет у него нимфетка, то пройдет неверным шагом Гумберт Гумберт. А то и сам роман «Лолита» будет упомянут... Посвященные — понимали и внимали.

Набоков же, кроме лекции «Советский рассказ», никогда не публиковавшейся, о своем советском литературном «родственнике» больше не упоминал. Хотя на глаза ему Катаев наверняка не раз попадался. Когда, например, Г. Адамович в «Последних новостях» писал о сборнике рассказов Катаева, выпущенном берлинским издательством «Книга и сцена». Очень хвалил: «Катаев — подлинный художник. <...> Его основной чертой является глубокое чутье, "интуиция" жизни, страстная жадность к ней. В нем нет ничего рассудочного, умышленного...» И это при том, что самого Сирина-Набокова Адамович упрекал как раз в рассудочности.

Мог Набоков заметить Катаева и тогда, когда А. Нуприн в анкете парижской «Новой газеты» называл «лучшими произведениями последнего десятилетия» «Солнечный удар» Бунина, «Растратчинов» Катаева, «Защиту Лужина» Набокова и «Зависть» Олеси. Но Набоков как будто ничего не замечал.

Тем не менее их литературное родство не отменяется. Не зря известный лингвист М.И. Панов в своих лекциях в МГУ помещал этих писателей, да еще Олешу в одну ячейку «прозы неожиданной метафоры», «прозы озарения»*. Равно как и не отменяется их кровная связь с Буниным, как бы ни складывались их отношения и какими бы извилистыми тропами они потом ни ходили.

Полезные книги

Нузнецова Г. Грасский дневник. Рассказы. Оливковый сад / сост., подгот. текста, предисл. и коммент. А.Н. Баборено. М., 1995.

Набоков В.В. Письма к Вере / коммент. О. Ворониной, Б. Бойда; вступ. ст. Б. Бойда; пер. статьи и коммент. А. Глебовской. М.: Нолибри: Азбука-Аттикус, 2018.

Устами Буниных: Дневники Ивана Алесеевича и Веры Николаевны и др. архив. материалы: в 3 т. / под ред. М.Э. Грин. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1977–1982.

Шаргунов С.А. Катаев: «Погоня за вечной весной». М.: Молодая гвардия, 2016. (Жизнь замечательных людей).

Шраер М.Д. Бунин и Набоков: история соперничества. М.: Альпина нон-фикшн, 2014.

* Новикова О., Новиков Вл. Зависть: Перечитывая Валентина Катаева // Новый мир. 1997. №1. С. 161.